

Ляман Багирова

СМОРОДИНКА

Ляман Сархадовна Батигова Смородинка (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981726*

Аннотация

Лирические рассказы Ляман Багировой под общим названием «Смородинка» – повествование о жизни, о любви, о простых человеческих взаимоотношениях, о доброте и взаимопонимание, о любви к природе, к людям, обо всем том, что автор хотела бы видеть вокруг себя в нашей порой суровой, далеко не сентиментальной и далеко не лирической действительности.

Содержание

А ночь была задумчивой	5
Август	14
Быль	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ляман Батигова

Смородинка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

А ночь была задушевной

Памяти бабушек моих

Когда в Баку дует ветер, как никогда лучше ощущаешь вечность. Особенно ясно она чувствуется в пустынных селеньях Апшерона близ моря. Сотни и тысячи лет назад такой же ветер перекачивал тяжелые волны и поднимал бури песка на этой выжженной солнцем, соленой любимой земле.

...Старая женщина с отеками ногами медленно ступала по нагретому за день песку. От него остро пахло йодом, и запах этот крохотными иглами пронизывал измученные астмой бронхи.

«Сдала ты, Тамара, – усмехнулась женщина самой себе. – Ноги тебя не слушаются. А ведь раньше...»

Раньше Тамара была Томной Томой. Так шутя называла ее мать, когда была в хорошем настроении. Имя обещало стройное порывистое тело, загадочный блеск глаз и веселые искорки в волосах. Фигура действительно удалась, волосы тяжелой непослушной копной с трудом смирились перед самой крепкой расческой, а блеск в глазах был скорее напряженным чем пленительным. Иногда в них появлялось что-то обволакивающее и нежное. Тогда мать легко шлепала Тамару по крепкой руке и смеялась:

– Так бархатно не на меня будешь смотреть!

Сколько Тамара не помнила себя, мать всегда вставала за светло. Во дворе их небольшого дома она аккуратно бороздила грядки, рыхлила в руках комковатую землю и высаживала рассаду болгарского перца и баклажанов. Когда появлялись всходы, мать аккуратно прищипывала лишние побеги, чтобы растение не тратило сил на сочную матовую зелень, а отдавало их упругим черным и зеленым плодам. Зато как было весело набирать в подол поспевшие глянцевиные баклажаны и толстые яркие перцы. Мать пекла их на прокопченной решетке, которую аккуратно размещала на маленьком примусе, и все сокрушалась, что не удастся вырастить помидоры. Они требовали больше ухода, а может другой земли.

Мать осталась вдовой в неполные 37. Жизнь ее за отцом была хоть и трудовая, а все же веселая и сытая. Тамара помнила как в день ее рождения, 27 сентября, отец приволок откуда-то большого рыжего барана и длинный куст розы с пыльными розовыми цветами.

– Ну, вот, доченька, – весело объявил он, выкопав ямку, – тебе сегодня исполняется 5 лет. Эту розу я посажу здесь в твою честь. А из барана сделаем шашлык.

– Ой, папочка, не надо, не надо шашлык. Посмотри, он не хочет, он такой красивый.

– Кто красивый?! Баран?! Да он будет просто счастлив стать шашлыком в день рождения моей замечательной дочурки. Это ты у меня красавица. Вот так. Посыпь землей. Это роза сорта «Мадам де Сталь». А мы назовем ее в честь

тебя «Мадемуазель... нет, царица Тамара!» А, как тебе?!

Баран задумчиво посмотрел на розу и принялся жевать серо-зеленые листья.

– Папа, посмотри, барашек розу ест. Он голодный? А можно я ему мою кашу дам?

– Ах, ты моя умница. Отец трепал Тамару по смуглой щеке.

– Ты моя самая красивая, такой как ты не найти и в раю, – напевал он старинную песню, подвязывая виноградники.

– Ты моя самая красивая, такой как ты не найти и в раю, – напевал он, правя статьи по биологии.

– Ты моя самая красивая, такой как ты не найти и в раю, – напевал он, когда за ним пришли ночью.

Он умер под следствием в 38-м. Мать, осунувшаяся и побледневшая до прозрачности, прошелестела тонкими губами:

– Слава Богу. Не мучился.

И это было все. Все, что слышала Тамара от матери об отце.

И все же он остался с ними. В посеревших от времени и от беспрестанного вытирания их тряпками комоды и круглом столе, в штопаной зеленой скатерти с бархатными фестонами, в этажерке с отцовскими книгами, в вазах с разноцветными фиалками на окне его комнаты, в иссохшем материнском теле, в ее ночной тоске и измученном любовью сердце.

«Мадам де Сталь», – усмехнулась женщина, перетирая в

руках пушистые листья бессмертника. Он упругими волнами стлался по песку. – А, ведь прижилась здесь английская красавица. По вкусу пришлось ей соленая каспийская почва. Не роза, а загляденье!

Еще долгие 22 года появлялись на ней чудесные бутоны. Издалека они напоминали растрепанных красавиц в розовых платьях с серебряными воланами. А потом на темных листьях выступили блестящие точки, будто капли пота на утомленном лице. Мадам де Сталь, Царица Тамара устала пить соленые соки апшеронской земли. Прощайте, розовые платья с серебряными воланами!

Тамара благодарно обвела глазами серо-зеленые кустики бессмертника и полыни. Отец называл их настоящими маленькими хозяевами соленых песков – галофитами.

– Вот, смотри, доченька, – срывал он тонкую былинку, похожую на замшевое котячье ушко – это бессмертник-сухоцвет. Его цветы хранят свою красоту долгие годы. Это полынь-емшан, – отец гладил аккуратные серебристые кустики, – в старину ею лечили заразные болезни, а одного из полынных родственников ты любишь есть с сыром и свежим хлебом.

– Тархун?! – смеялась Тамара.

– Так точно, моя царица.

– А это тамариск. – Отец любовно оглядывал дымчато-багровые круглые кусты. Они упорно лезли из слежавшегося окаменелого песка и походили на лохматые головы ди-

рижеров после концерта. — Запомни их, дочка, они не боятся ни ветра, ни соли, ни песка.

Тамара уносила домой целые ворохи прибрежной травы. Но серел в комнате дымчато-багровый тамариск, и поникала полынь, сжимаясь в обыкновенные травяные пучки. От них потом тонко пахло лекарством и пылью, и мама ворчала, что из них постоянно что-то сыплется. Только бессмертник гордо выглядывал из синей фарфоровой вазочки. Сухие янтарные цветы его чуть покачивались от ветра, и Тамаре казалось, что ее комната наполняется звоном.

Вообще Тамара жила звуками и запахами. Разве можно было забыть шуршание крепдешинового платья, которое мама сшила ей к выпускному?! Оно было сине-фиолетовое с нарядным воротничком, и мама, прилаживая его, объясняла Тамаре, что это старинные кружева ришелье, что сейчас уже мало кто их делает, и вообще, молодые не хотят утруждать себя рукоделием. А какие раньше были скатерти! Вышитые гладью, английским шитьем, филейной строчкой. Тут мама закатывала глаза и махала рукой, сокрушаясь о непроходимой лени и бестолковости подрастающего поколения. Приладив воротничок, она придирчиво оглядывала Тамару и подносила к глазам платок, не в силах сдержать слез при виде молодой красоты. Тамара чмокала мать в щеку и выбегала из дома так стремительно, что пожилая кошка Хани недовольно вздрагивала на лежанке и потом долго укоризненно била хвостом.

А потом была любовь... И свадьба. И голубые звезды на низком августовском небе. И сильные руки сжали девичьи запястья...

– Ты меня любишь?

– Да, да, да!

– Навсегда?

– Вот глупая! Конечно, навсегда!

А потом родился сын. Тамара подолгу вдыхала родной молочный запах, гладила рыжеватые кудряшки на затылке. Выходила из комнаты и почти сразу же возвращалась, не желая ни на минуту расставаться с властно-крикливым и уже бесконечно любимым существом.

Тамара жарила рыбу на газовой печке (это было чудо после примуса). Рыба немедленно взбухала масляными пузырями, покрывалась золотистой корочкой. Тамара крошила салат, развешивала пеленки во дворе. Ворох маленьких тряпочек враз высыхал и чуть потрескивал от жара, будто потягивался на солнце.

А потом опускалась ночь, наполненная цикадами, комарами и любовью.

– Ты меня любишь?

– Да.

– Навсегда?

– Сегодня навсегда.

– Как это?

– Вот глупая. Спи давай.

От отца осталось немного вещей. Полное собрание сочинений Ленина и книги по биологии на этажерке, маленький ночник в виде кареты. Тамаре казалось, что только в такой легкой бирюзовой с золочеными ободками карете должна была приехать на бал Золушка. Но потом ночник выцвел, с ободков сошла позолота, и карета приобрела стойкий сероватый цвет. Еще оставалась толстая палка-трость, мягкая фетровая шляпа и репродукция «Лунной ночи» Крамского на стене. Мать почему-то считала изображенную на картине женщину отважной бездельницей. Объясняла она это тем, что женщине, очевидно, нечего делать весь день, раз у нее ночью есть силы шастать по саду и прохладиться на скамейке. А отвага ее выражалась в том, что не каждая решится сидеть одна ночью в саду, даже если он обнесен забором. Мало ли кто прыгнет сверху или из пруда кто появится! Эти вещи со временем тоже приобрели серый оттенок.

Мать была стойкой. Тамара не помнила, чтобы она долго плакала. Слезы, по ее мнению, были слишком едкой водой, чтобы поливать ими без того солоноватую землю. Для нее в жизни существовал только долг. Надо вырастить дочь, надо каждый день готовить обед, надо содержать дом в чистоте и уюте, надо справляться о здоровье родственников, надо перетирать в руках, рыхлить, мотыжить комковатую землю, высаживая баклажаны и перцы, надо ездить на работу и выстукивать на машинке чужие статьи и приказы. И со всем этим мать справлялась безропотно, легко неся свое узкое те-

ло из дома в сад, на работу и снова в дом на кухню к газовой горелке и швейной машинке.

Лишь когда мать опустили в землю заметила Тамара глубокую складку, словно шрам на переносье, искореженные работой непривычно застывшие руки. И складка, и руки были серого цвета, будто посыпанные грязной солью.

Матерей не выбирают, но если можно было, Тамара все равно выбрала бы ее, свою горемычную, немного порадовавшуюся на этом свете.

А потом надо было снова убирать, готовить, провожать сына в школу, работать, подметать осенние палые листья в саду.

– Ты меня любишь?

– Нет.

– Как?

– Вот глупая. Так.

...Тамара вздрогнула. Сухая веточка оцарапала ей ногу. Сын давно сигналил ей из машины. Пора было возвращаться.

...Старая женщина медленно поднялась и пошла к машине. К подолу ее платья прицепились несколько веточек тамариска и множество мелких ракушек. От них тянулся длинный тусклый след, который даже на вид казался солоноватым.

Море шумело спокойно и четко, как здоровое человеческое сердце. Сухие звезды бессмертника покачивались на

ветру. Но они уже не казались янтарными. На все вокруг лег ровный и строгий сумеречный свет.

АВГУСТ

Светлой памяти Бунина

Каждый день августа хотелось смаковать, лелеять, вкушать как сладкую конфету. Бакинский август, притягательный как любовь, лил с неба потоки расплавленной синевы. Недаром август называют порой созревания инжира и винограда. Маревое – сизое как рута, сизое как старушечьи вены – дрожало в воздухе и наливало сладостью янтарные гроздья и рыхлые ягоды смоквы. И они, истомленные, истекающие соком, с глухим стуком шмякались об асфальт, распластывались липкой лепешкой, привлекали на пиршество мух. А разве нельзя и мухам побаловаться Божьим изобилием? Или они не Божьи твари?!

– Дурашка, Дурашка...

– Р-р-р!

– Стой, Дурашка, не вертись!

Рустам погладил собаку. Тотчас из окна двухэтажного дома высунулась встрепанная женская голова с повязкой на лбу.

– Я тебе сколько раз говорила, не трогать собаку. Мало ли какие у нее микробы. Заболеешь – клянусь жизнью твоего брата – лечить не буду!

– Обязательно моей жизнью надо клясться! – послышался

воплъ шестилетнего Камиля. – Почему его жизнью не клянешься?!

– Цыц! – прикрикнула мать. – Тоже мне – вчерашнее яйцо курицу учит! Вот отец придет – все расскажу ему! Рустам, Руста-ам!

– Да, мама! – Рустам хихикал, но придал голосу серьезность, ибо легкомысленный смех не украшает девятилетнего мужчину!

– Привяжи собаку к дереву, мой руки, и поднимайся в дом. Обедать будем.

Обедать – это всегда хорошо. И пока Рустам привязывал Дурашку к айвовому дереву, мыл руки, мама уже выкладывала на стол салат из огурцов и помидоров и разливала по тарелкам суп с мясными тефтелями и горохом – любимое блюдо мальчишек.

– Бери хлеб. – Мать подвинула к Рустаму тарелку с хлебом. – А ты не болтай ногами, – обратилась она к Камилю. Тот сосредоточенно выскребывал со дна тарелки гуцу и болтал ногами под столом. Голос матери вдруг стал просительным.

– Когда поешь, Рустамчик, отнеси дедушке немного супу. Я налила уже в банку.

– Ну, мам!!! – В планы Рустама явно не входило тащиться через весь поселок с кошелкой, когда можно провести остаток дня с толком! Окунуться в пенное, ласковое море, поваляться на песке, погрызть горячие соленые початки куку-

рузы, побегать с Дурашкой по берегу, залезть на дерево и собрать инжир, – да мало ли еще важных дел! Он скорчил умоляющую рожу.

– Никуда инжир не денется, – сказала мама. – И море не убежит. А дедушка один, скучает, к нам ему приходится трудно, он старенький, надо его навестить, побаловать домашним.

Своего двоюродного деда, дядю матери, Рустам любил сложной любовью. С упрямым этим голубоглазым стариком было интересно, но долго рядом с ним находиться было нельзя. Старик обожал лук и чеснок, считал их панацеей от всех болезней, и ел по 3 раза в день. Возможно, поэтому и дожил до 81 года, пережив жену и дочь, всех младших братьев и дождавшись внуков и правнуков. Те благополучно процветали в другом городе, звали старика к себе, но он наотрез отказался покинуть свой маленький дом, крохотную печку и занесенный песком сад. «Здесь я родился, отсюда меня и вынесут» – отрезал он раз и навсегда, когда внук в очередной раз подступил к нему с уговорами. Тому ничего не оставалось делать, как поручить деда заботам матери Рустама и Камиля. Заботы были трогательны, щедры, но редки. Старик упорно отвергал чрезмерные ухаживания. «И у благодеяния шипы торчат» – повторял он, нимало не смущаясь тем, что эти слова задевают и обижают племянницу.

Но бывать у старика было интересно. В первую очередь потому, что это был необычный дом, дом без мебели, по всем

правилам старины. Вместо мебели в стенах были аркообразные ниши. В двух из них была составлена нехитрая щербатая посуда. Племянница несколько раз грозилась выбросить допотопные пиалы с вытертым рисунком, и треснувшие блюда, заменив их на новые. Но старик отстаивал это бедный, чистый хлам с достоинством, с тихим ропотом. В другой нише были горкой уложены разноцветные одеяла и матрасы. Украшением дома были ковры. Мохнатые и гладкие, со сложным и простым рисунком, они были расстелены везде. И везде же на них были навалены овальные подушки-мутаки. Старик отдыхал на них днем, вечером же доставал из ниши матрас и яркое лоскутное одеяло и сооружал себе постель тут же на полу. Кровать, впрочем, была, но сиротливо пылилась в давно опустевшем курятнике.

В третьей нише за матовым стеклом стояли книги. Старик был книгочеем и предпочитал книгу игре в нарды, домино и другим развлечениям поселковых пенсионеров. «Знание еще никого не отягощало» – неспешно отвечал он, когда ему говорили, что он давно уже выпил всю мудрость этих книг, и лишь понапрасну утруждает свои глаза. Рустам любил особую прохладу стариковского дома, его беленую известью кухню с низеньким, в ладонь вышиной, столиком, с печкой-джейранкой (на ее рифленной поверхности был изображен скачущий джейран). Медленная речь старика, тусклый блеск его голубых глаз – таких редких на Востоке – завораживали мальчика. Он выпадал из времени, он витал меж

мирами, пока дедушка мерно рассказывал ему о временах минувших, о том, что видели и читали его глаза. Но за этим мерным повествованием можно забыть все дела мира сего! А кто, скажите на милость, будет с размаху кидаться в море, кто будет играть с Дурашкой, собирать на спор с соседскими мальчишками инжир и виноград (одну ягоду в корзину – пять в рот!), кто будет оценивать новые платья девчонок? Нет, пойдешь к старику – и застрянешь там! Но мама смотрела так строго и вместе с тем просительно.

– Где банка? – проворчал Рустам.

– Вот, – мать подала ему сумку с банкой, огурцами-помидорами и хлебом. – Иди, Рустамчик, завтра искупаешься. Море тут рядом. А дедушке будет приятно.

Рустам шел и мрачно жевал по пути инжир, свешивавшийся с окрестных дач. В нагретом воздухе звонко лопались семена руты и черной крупой сыпались на дорогу. Пахучая, сине-зеленая рута была украшением и бедой их поселка. Она росла везде, лезла из камней, из асфальта, из слежавшегося песка, упорная и неистребимая как сама жизнь.

Рустам толкнул маленькую голубую дверь с заржавленной щеколдой. Давным-давно уже старик не запирали своих дверей. Да и было ли вообще время, когда эта дверь запиралась! Ключ символически оставлялся в расщелине забора, но двери всегда были прикрыты. Соседи знали друг друга с незапамятных времен и доверяли друг другу как самим себе, а может, и больше.

– А, пришел! – Старик приподнялся на мутаке. Он лежал в саду под навесом. – Зачем мама беспокоилась? Скажи ей спасибо. Положи туда.

Рустам принялся выкладывать банку и овощи на столик в кухне.

– Налей чаю себе и мне и иди сюда.

Старик держал в руках рубаи Хайяма. Рустам почувствовал неладное. Слушать философские воззрения великого нишапурца под чарующий луковый аромат не представлялось возможным. Мальчик решил пойти обходным путем.

– Я все хотел спросить тебя, дедушка. У тебя на всех книгах печать.

Рустам открыл первую страницу. Все книги старика действительно украшал странный экслибрис. Старик в молодости увлекался резьбой по дереву и даже подрабатывал этим занятием. Сколько поселковых хозяек хранили у себя на кухнях его печатки для украшения хлеба и лепешек! Все они были непохожи друг на друга, каждая была затейлива по своему. На одной, например, вилась виноградная лоза, другая изображала орла в полете, на третьей расцветала ветка розы с маленьким острым бутонем. Но экслибрис на книге был особый. Изображал он сидящего на осле человека. На плече у человека сидела обезьяна, а рядом с ослом стояла собака. Этот знак стоял на первой странице всех книг и вызывал интерес у всех, кто к нему присматривался, но старик отшучивался, говорил, что выдумал эту печатку в шутку, из одной

любви к резьбе по дереву, которое он считал самым лучшим, самым достойным материалом для работы.

– Ни камень, ни железо, ни стекло не сравнятся с деревом – говорил он. – От многолетнего соприкосновения с человеческой кожей полируются все предметы, но, ни одно не выглядит так благородно как дерево.

Глядя на переливчатые фигурки оленей и лошадей, когда-то вырезанных стариком, люди поневоле соглашались. Ни один материал не выглядел так сдержанно и бархатно как это таинственное дерево.

Рустам думал, что дед и сейчас отшутится, и он, переведя разговор еще на пару незначительных пустяковин, улизнет от старика. Но тот вдруг внимательно посмотрел на него:

– Хочешь знать... – задумчиво протянул он. – Ну, что ж, может тебе и вправду пора знать об этом.

Старик любил Рустама. Пожалуй, больше чем своих родных внуков и правнуков. Те были далеко, а старик давно миновал ту пору, когда за далеких беспокоишься больше. С возрастом начинаешь ценить то, что рядом и близко. Кроме того, в глазах Рустама постоянно горел тот пыливый огонек, который умилял старика.

– Вы все по одну сторону – говорил он родственникам при встрече. – А он, – и гладил рукой, похожей на узловатое дерево, голову Рустама – по другую! Мне он останется, он обо мне порадеет!

– Смотри, – выдохнул старик. Рустам чуть покачнулся, но

усидел! – Что видишь?

– Человека на осле, собаку и обезьяну, – ответил Рустам.

– Осел, собака – передразнил старик. – Это все ты.

– Как? – не понял мальчик.

Дедушка взял паузу. Прежде чем известить отрока о чем-то важном, следует напустить на себя глубокомысленный вид. Отрокам приличествует терпение и благоговение!

– Самая большая фигура – человек, – начал старик. – Видишь?

Рустам вгляделся. Фигура человека действительно была больше. Обезьяна на его плече вообще едва угадывалась по очертаниям.

– Это потому... Подожди, принеси еще чаю! – Рустам повиновался. – Так вот, это потому, что Бог вначале сотворил человека и дал ему тридцать лет жизни и сказал: «Эти тридцать лет будешь жить в свое удовольствие, любить кого хочешь, путешествовать, учиться, и все будет даваться тебе с радостью, и сердце твое будет веселым и легким. Нравится?» Человек сказал: «Да», а про себя подумал: «Хорошо, но только мало!» Но кто спорит с Богом?!

Потом Бог сотворил осла и тоже дал ему тридцать лет жизни и сказал: «Эти тридцать лет будешь работать, не зная отдыха, и в дождь, и в жару, и в снег. Работать ты будешь так много, что спина твоя будет стерта, копыта сбиты в кровь, а когда ты будешь не в силах нести слишком тяжелую поклажу, тебя будут считать упрямым, и бить палкой. Есть ты бу-

дешь прелую солому, и лишь изредка тебя будут баловать кукурузными початками. И это будет радостью твоей жизни. Нравится?» Осел заплакал и сказал: «Боже, не хочу я такой неприветливой жизни, не хочу мучиться 30 лет, дай мне только половину!»

«Хорошо, – согласился Бог. – Но куда же мне девать другую половину? – Я возьму, если можно, – выступил вперед человек.

Вот так у человека получилось... Сколько?

– 45 – подсчитал Рустам.

– Правильно! Потом Бог сотворил собаку, тоже дал ей 30 лет жизни и сказал: «Эти тридцать лет ты будешь днем и ночью стеречь чужое добро, будешь лаять на всех. Домой тебя пускать не будут, кто же пускает в дом дворового пса? Грызть ты будешь кости. Когда же ты состаришься и ослепнешь на хозяйской службе, тебя выгонят пинком за ворота. Ах, да... Изредка тебя будут баловать теплой похлебкой. Это будет твоей радостью. Нравится?» Собака заплакала и сказала, что тоже не хочет таких долгих мучений и попросила дать ей только половину. Понял, что случилось дальше?

– Оставшуюся половину взял себе человек – догадался мальчик.

– Верно. Сколько получилось?

– 60. Более или менее, – обрадовался Рустам.

– И, наконец, Бог сотворил обезьяну. Также дал ей 30 лет жизни и сказал, что эти тридцать лет, она будет кататься как

сыр в масле. Трудиться ей не придется, все ей будет доставаться даром. Только страшна и уродлива она будет, вся покрыта морщинами, и люди, глядя на нее, будут смеяться. А она, за сладкий кусок будет придумывать новые ужимки, и веселить их еще больше. Нравится? Обезьяна заплакала и сказала, что не хочет такого долгого унижения и тоже попросила только половину.

– У человека получилось 75 лет – подпрыгнул Рустам.

Точно. Вот и получается, что человек 30 лет живет как человек, он молод, здоров, красив и полон сил. И весь мир его! Потом он 15 лет работает как ишак, строит свою жизнь, и трудится для детей. Потом изо всех сил охраняет и стережет накопленное. Силы уже не те, характер портится, но что поделаешь! А потом он становится старым, и уже присматривают за ним. И он зависит от других так же, как когда-то кто-то зависел от него. И потому на печатке человек такой большой, а обезьяна такая маленькая. Трудно быть большим, унижаясь!

– А почему обезьяна сидит на плече человека? – спросил Рустам.

– А это, чтобы он не забывал, что старость ожидает его, как бы весела не была его юность. И встретить ее надо достойно, чтобы она не оттянула плечо.

– А если он не доживет до старости? Не все же доживают. – Рустам вспомнил недавние похороны дальнего родственника, молодого парня, разбившегося на машине.

– Тогда это несчастье. Закрывать глаза старикам должны молодые, а не наоборот.

– А почему осел и собака такие грустные? – Рустам провел пальцем по опущенным ушам осла и собаки.

– А ты бы на их месте много бы веселился? Скажи спасибо, что такие стоят!

– Дедушка! – собрался с мыслями Рустам – А если человек проживет больше, чем 75 лет? Вот тебе уже 81. Тогда ты кто?

Последнее слово Рустам вымолвил совсем тихо, почти шепотом, боясь, что дед рассердится. Но старик неожиданно задрезжал смехом и приобнял мальчика.

– Не бойся! Твой дед не обезьяна! Я никогда не работал как ишак, для накопления, и потом не дрожал над накопленным, потому что его не было! Не было у меня никого, кому бы я кланялся, и ничего, чтобы я им маялся. Жил как человек, работал в удовольствие, а не из-под палки, имел насущное, и не просил лишнего. Сделанного добра не считал, а зла старался не помнить. Ну, и, конечно, Бог мне помогал, берег от испытаний. Вот и прожил... человеком!

Эту затейливую, с вывертами речь Рустам был готов слушать часами. Куда-то испарились луковые волны, исходившие от старика, отодвинулись купание в море, инжир и Дурашка. Рустам глядел в голубые глаза деда и слушал:

– Тебе говорю! Я знаю – ты поймешь! Открой уши и слушай! Будь человеком! Чтобы с тобой ни случилось в жиз-

ни – будь человеком! Пока молодой – не давай душе испоганиться! Будет у тебя за душой что-то настоящее, не станешь ни ослом, ни собакой, ни обезьяной. Не будет – переберешь всех зверей! Понял?!

– Понял! – Рустам кивал головой, а дед хватал его за плечи цепкими пальцами.

– Не забывай! Помни! И книги свои тебе завещаю. Не забудь, твои они! Тебе пригодятся! А сейчас неси то, что твоя мать послала, проголодался я! И сам садись!

– Нет, дедушка, я пойду, я ел уже! Ну, правда, я ел!

– Точно? Ну, тогда, возьми вот это! – И старик осторожно насыпал в руку внуку горсточку изюма с орехами.

– Беги! И матери с отцом поклон передавай. Пусть не беспокоятся сильно!

– Ты чего такой надутый? – встретила Рустама мать. – Не понравился деду обед? Что случилось?

– Это он из-за моря переживает – хохотнул отец. Он недавно пришел с работы, пообедал и был в хорошем настроении. – Завтра с утра пойдешь купаться. Только далеко не заплывай!

– Да, нет, – досадливо отмахнулся Рустам. – При чем тут море?

– Э, у тебя температуры нет? – встревожилась мать и пощупала Рустаму лоб. Камиль вертелся тут же и тоже полез щупать лоб брату.

– Ничего у меня нет. Просто устал. Ай, отстань! – Послед-

ние слова относились к мальшу, который норовил заглянуть брату в горло.

– Опять наверно, мальчишке голову дурил всякой ерундой, – ворчала мать на кухне. – Голова у самого глупыми книжками забита. Всю жизнь жил как хотел, ничего ему не надо было, и мальчишку тоже испортит, боюсь.

– Да, ладно тебе – отозвался отец. Маленький еще, пусть слушает, вырастет, сам разберется, что к чему. А старик никогда никому вреда не сделал.

– Ну, а что нажил? – возражала мать. Три вытертых ковра, в которые его завернут, когда будут хоронить, две чашки, пять ложек, драные одеяла и книжки эти дурацкие. Дети, и те далеко. Все хлопоты на нас падут, когда умрет.

– Ну, падут и падут – сонно отвечал отец. – Что мы не люди, что ли, он же нам не чужой!

– Так-то так, да вот... Ах, как я боюсь, чтобы Рустам в него не пошел. Кровь одна все-таки!

– Э, ладно, нашла, о чем думать раньше времени.

– Тебе все равно, а я хочу, чтобы у наших детей, все как у людей было. Дом нормальный с ремонтом, а не эта развалюха! – Мать ткнула пальцем в дырку в стене. Оттуда печально посыпалась штукатурка. – Машина, работа хорошая, чтобы могли семью обеспечивать. Чтобы мы на старости лет, хоть спокойно пожили, не тревожились за них. Ты слышишь меня?

– Хр-р-р-р! Уф-ф-ф! Хр-р-р!

– Конечно, кому все это надо кроме меня! Пришел, поел, сейчас отоспится, ночью... опять покоя не даст! Рустам, эй, Рустам!

– Да, мама!

– Тебе дедушка что говорил?

– Ничего.

– Просто сидели и молчали 3 часа?! Наверно, стихи читал, опять глупые сказки рассказывал?

– Нет, мама, он про тебя спрашивал, про отца, Камиля, про соседей говорил.

– Каких соседей?

– Ну, напротив него живущих. Их сын новую машину купил.

– Да ты что! Дедушка про соседей говорил?! Какой сын – Тимур или Эмин?

– Не знаю точно. – Рустам краем уха слышал от соседских мальчишек, что у дедовых соседей новая машина.

– Вечно ты ничего не знаешь! Нет, Эмин не мог, молодой еще слишком. Наверно, Тимур жениться хочет. Э-э-э! Была бы у меня дочка, все бы уже давно знала!

Мать махнула рукой и отправилась к телефону. Рустам знал, что сейчас она позвонит двоюродной сестре своего мужа. Та слыла в поселке первой сплетницей и знала все новости. За два часа Рустам мог ручаться – мать его не побеспокоит.

С моря уже тянуло прохладой, и цикады завели свою пес-

ню. Мальчик прижался щекой к листьям китайской розы, росшей у них в комнате. Они были холодные и нежные. Мать болтала по телефону, ахала, вздыхала, цокала языком. Рустам был спокоен. Ничто не мешало ему думать.

Он думал о том, что на другом конце поселка в маленьком доме сейчас сидит одинокий старик и смотрит в темное небо. Он заслужил это право. Он прожил свою жизнь по-человечески и может бесстрашно смотреть в голубые глаза вечности. Ему нечего бояться перед ней.

Быль

– Вы говорите, человек не может измениться, – сказал бывший школьный учитель. – Знаете, я, скорее всего, должен был бы с вами согласиться. Я ведь был учителем биологии, пока не вышел на пенсию. А биологические законы самые упрямые. С ними не поспоришь, как не крути. Человек рождается, растет, расцветает и стареет. И все. Так было и так будет. Но вот, в чем мой опыт убедил меня. Человек, если захочет, если включит мозги, может попытаться выйти за рамки своего нутра. Опять же говорю, может попытаться. Не факт, что у него получится, но с душой его точно что-то произойдет. Она будет немного другая. Вся штука в том, как включать эти самые мозги. Если на знак плюс – это хорошо, а если на минус – не дай Бог. Я вот тут недавно читал внучке китайскую сказку. Там один человек сделал крылья и принялся летать как птица. Его поймали и привели к императору. Император похвалил человека, расспросил, как он делал крылья и знает ли кто о его изобретении. Тот поклялся, что никто, даже его жена. Тогда император сказал: «Ее счастье» и велел посадить человека в темницу до конца жизни. Человек спросил: «За что? Ведь я же не сделал ничего дурного. Неужели ты боишься меня?» Император ответил: «Не тебя. Я боюсь, что у того, кто придет после тебя, окажется злой ум и злое сердце, и не хочу, чтобы он узнал о твоём изобрете-

нии». Понимаете? Любая вещь может служить благу, но может, и злу. У вас есть немного времени? Тогда послушайте, что однажды произошло на моих глазах.

Он был словоохотлив, мой сосед, бывший учитель биологии. Ему некуда было спешить. В этот хмурый зимний вечер нам с мужем не хотелось никуда идти, и даже двигаться было лень. Я заварила чай с корицей и приготовилась слушать.

– Я жил тогда на старой квартире с общим двором-колодецем. Кое-где в нашем городе еще остались такие. Я не любил и не люблю их. Такое ощущение, что попадаешь в клетку или в лифт без потолка. Некоторым нравятся, испытывают нечто вроде ностальгии. Я всегда пытался убежать оттуда. Заржавленный кран с капающей водой, будто дырявит тебе голову. Высокие потолки, огромные окна, ты, маленький, с вечно больным горлом бродишь из комнаты в комнату, смотришь в них и видишь два квадрата – серый квадрат двора внизу и голубой неба наверху. Ничего романтического в этом нет. Даже страшно.

Жил я с родителями, маленькой сестренкой и бабушкой. Мне стыдно признаться, но я не любил бабушку. Более вздорной старухи, я не видел за всю свою жизнь. Вечно цеплялась ко всем, ссорилась с соседями, а мать мою, свою невестку вообще поедом ела. Сколько раз мама плакала из-за нее. И самое противное – бесстыдно хвасталась мной, везде говорила, что это мой внук, единственная мол, ее надежда и опора, ее продолжение, а сама меня по рукам шлепала, если

я лишнее печенье возьму. Как-то раз мы были дома одни, сестра еще не родилась. Мне было лет пять. Бабушка решила испечь себе что-то сладкое, я крутился возле нее. Испекши пирог, она спрятала его в буфет, сказала, что должен остыть. Она пошла спать, а я дотянулся до буфета и стал откусывать от пирога. Крик потом стоял – вы и представить себе не можете. Нажаловалась отцу, что я воришка, что это меня мать учит, и потребовала меня наказать. Отец отнекивался, говорил, что я еще ребенок и многого не понимаю. Так она хлопнула дверью, закричала, что отец подкаблучник, что пляшет под дудку жены и все такое. Отец дал мне подзатыльник, а мама стояла бледная. Отец потом говорил, что этого подзатыльника мама ему так не простила. По глазам видел, что не простила, хотя всю жизнь прожила с ним в мире. А бабушка на людях улыбалась, по голове меня гладила, а дома фыркала и называла «материнской мордой». Я был похож на маму.

Сами понимаете, как я после этого случая «любил» оставаться с бабушкой. К счастью, такое случалось редко. Я старался увязываться, то за мамой, когда она была на кухне или шла в магазин, то за отцом, когда он шел на базар, или в гараж. Бабка большей частью дремала в кресле, разложив вокруг себя свои юбки. Издалека она была похожа на хищную птицу с крючковатым носом. Иногда она внезапно открывала глаза – маленькие, почти без ресниц, – но черные-пречерные. Они замечали любой беспорядок в доме, и не дай Бог, если какая-то вещь лежала не там, где она привыкла ее ви-

деть. Бабка сразу начинала недовольно сопеть и стучать палкой об пол.

Как-то перед Новым годом бабка запретила ставить елку. Новый год мой любимый праздник. Знаете, у человека должно оставаться в душе что-то не только светлое, но и теплое. Непременно должно. Без этого нельзя жить. Так вот, мне больше шестидесяти, а я до сих пор как ребенок жду теплоты этого праздника. Блестящей бумаги, елочных шариков, подарков под елкой, ванильного пирога и жареной курочки на столе. Можно, приготовить все это и в любой другой день, о, да, конечно, можно. Но в праздник это совсем другое, это не уже не еда, это яства. Можете себе представить, как я с нетерпением ждал того момента, когда отец извлечет с антресолей елку и коробку с игрушками и я начну ее украшать. Не могу сказать, что бабушке это нравилось, но она знала, что так делают все, поэтому отмалчивалась. За столом первая опустошала свои тарелки, тяжело отфуркивалась, расстегивала пуговицу на юбке и грузно плюхалась в кресло. В 12 часов в ответ на наши поздравления говорила «Спасибо. Дай Бог здоровья в Новом году» и засыпала. О шампанском в нашем доме не могло быть и речи. Мы тихо ели и тихо смотрели телевизор.

Особой религиозностью бабка никогда не страдала. Но тут, будто коса нашла на камень. Нет, и все. Мол, религиозные траурные дни, а елка – это веселье. О том, чтобы ей возразить не могло быть и речи. Бабушка сразу начинала гром-

ко кашлять. Кашляла она старательно, поэтому вскоре начала по-настоящему задыхаться.

– Крепко же вы ее не любили, – улыбнулась я.

Мой сосед нетерпеливо дернул головой.

– Любить ее было невозможно. Она к этому чувству не располагала.

После заявления о елке, я мысленно обозвал бабку ведьмой и начал подумывать о мести. Вариантов было много. Насыпать незаметно крошек в кровать, чтобы они искололи ее жирное тело. Подсыпать перца и соли в ее еду. Поймать где-нибудь во дворе мышь и запустить в дом. Подложить кнопки ей на сиденье. Способы были сложными и неосуществимыми. От перца и соли пришлось сразу отказаться. Бабка решит, что это сделала мама и отыграется на ней. Вариант с мышью надо было продумать детально. В нашем дворе живности водилось с лихвой. Но будь то, коты с суровыми бандитскими мордами, вечно голодные псы, или жирные крысы-пасюки – все они с одинаковой прытью разбегались при появлении человека. К тому же искать потом эту самую мышь по дому предстояло бы нам. Наиболее легким в исполнении мне казались крошки. Тем более, что бабка была неряшлива, и одежда ее была постоянно запачкана едой.

Я остановился на крошках и вплотную начал обдумывать детали. Наказание казалось мне слишком мелким, слишком мягким. Поколебавшись немного, я решил прибавить к крошкам кнопки, выдумать по ходу еще что-нибудь и рас-

тянуть мечь на несколько недель, чтобы бабка извелась от неудобства.

Моим коварным планам не суждено было сбыться. Как-то утром, незадолго до Нового года бабка проснулась необыкновенно бледная и молчаливая. Она тихим голосом поблагодарила мать, когда та налила ей чаю, и погладила меня по голове. Отец спросил, как она себя чувствует. Обыкновенно на это следовал ответ: «А что? Ты что хочешь, чтобы было плохо? Я знаю, вы только об этом и мечтаете». Но в этот раз она кротко сказала «Хорошо» и продолжала молчать.

Через некоторое время мать спросила, чтобы она хотела бы к обеду. Чудеса продолжались. «Что хочешь», – ответила бабушка. Она сидела в своем кресле и смотрела на пол. Через несколько минут она позвала меня и усадила рядом с собой.

– Это тебе – протянула она мне маленькую елочную игрушку. Это была стеклянная барыня в желтой шубке. Желтой ее можно было назвать с большим трудом, так как краска с нее почти слезла. Вдобавок, от шапки боярыни был оттяпан приличный кусок, и острые края ее торчали зазубринами. Это придавало барыне лихой молодецкий вид. – Повесишь на елку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.